

Циклическая модель инклюзивного роста Европейского союза

Е.В. Сапир¹, А.Д. Васильченко²

¹ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

² Институт Европы Российской академии наук

Исследование посвящено определению ключевых характеристик и особенностей инклюзивного роста Европейского союза на современном этапе. В настоящее время ЕС как интеграционное объединение сталкивается с рядом внутренних вызовов, связанных с расхождением экономических интересов стран-участниц и неравномерным распределением выгод и издержек от «двойного перехода» в условиях снижения конкурентоспособности европейской экономики на мировой арене. Стратегическим ответом на эти вызовы стало формирование в ЕС экономики умного, устойчивого и инклюзивного роста.

Целью данного исследования является выявление основных черт современной модели инклюзивного роста Европейского союза, а также её сущности и внутренних противоречий. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: можно ли считать современный экономический рост в ЕС инклюзивным, и какого уровня зрелости он достиг?

Методология исследования включает качественный и количественный анализ. Качественный анализ связан с разработкой системы категорий и типологизацией инклюзивного роста в контексте современной европейской модели. Количественный анализ основан на сравнении экономического и социального положения стран ЕС с использованием многомерных индексов развития и благосостояния: Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, Индекса человеческого развития ООН, Индекса благополучия Института Legatum и Индекса счастья Оксфордского университета.

Были проанализированы результаты реализации стратегии «Европа 2020», определившей ориентиры инклюзивного роста до 2020 года. Установлено, что наибольших успехов в достижении комплексного инклюзивного роста добились страны Северной и Континентальной Европы, наименьших — страны Центрально-Восточной Европы. Выявлены следующие противоречия в реализации инклюзивного роста в ЕС: конфликт интересов настоящего и будущих поколений при реализации зелёного курса, расхождение интересов малых и крупных экономик Евросоюза, а также новый прогрессивный тренд, заключающийся в одновременном сокращении неравенства в обществе и ускорении экономического роста ЕС. Полученные выводы позволили определить характерные черты модели инклюзивного роста ЕС как воспроизводимого цикла возникновения социально-экономических противоречий и их разрешения на уровне Союза. Результаты

УДК 338.2:330.59(4-67EU)

Поступила в редакцию: 20.06.2024

Принята к публикации: 31.07.2024

анализа модели инклюзивного роста Европейского союза могут быть адаптированы и использованы для развития поддержки инклюзивного роста в ЕАЭС, а также для определения приоритетов и механизмов государственной социально-экономической политики стран – участниц Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: инклюзивный рост, Евросоюз, человеческий капитал, социально-экономические противоречия, Индекс инклюзивного роста ЮНКТАД, Индекс человеческого развития ПРООН, Индекс счастья Оксфордского университета, Индекс благополучия Института Легатум

Европейский союз как интеграционное объединение в XXI в. сталкивается с рядом новых вызовов, связанных как с расширением его состава, так и с усилением неравномерности социально-экономического развития стран объединения. Всё более отличимым становится разрыв в уровне экономического развития стран Севера и Юга Европы; страны – основатели ЕС опережают по темпам интеграции вновь принятые государства, а реализация стратегии «двойного перехода» приводит к неравномерному распределению благ и возможностей между странами и общественными группами.

Между тем европейский опыт показывает, что развитая система интеграционных институтов помогает разрешать возникающие противоречия моделей развития отдельных стран-участниц, позволяя достигать единых стандартов благополучия и качества жизни, установленных для всех членов Евросоюза. В частности, стратегии ЕС и программы развития определяют измеримые ориентиры экономического и социального прогресса и координируют взаимодействие бизнеса, общества и государства в достижении единых целей, поставленных на уровне объединения в целом.

В то же время важно понимать, транслируются ли экономические достижения национального и общеевропейского масштаба на уровень отдельного гражданина, влекут ли повышение благосостояния, обеспечение стабильности и достижение гармонии каждого человека? Иными словами, является ли экономический рост в Европейском союзе инклюзивным?

На сегодняшний день в научной литературе отсутствует единое определение инклюзивного роста. Кроме того, в недостаточной степени разработана проблема частных моделей инклюзивного роста в регионах и интеграционных объединениях мира.

Целью настоящего исследования является определение основных черт модели инклюзивного роста Европейского союза на современном этапе, её сущности и внутренних противоречий. Для достижения цели исследования проводится критический анализ существующих подходов к определению инклюзивного роста, предлагается синтезирующая аналитическая рамка, а также производится компаративная количественная оценка основных параметров инклюзивного

роста стран – участниц ЕС. На заключительном этапе, основываясь на полученных результатах анализа, предлагается теоретическая интерпретация актуальной модели инклюзивного роста Евросоюза и определяется роль и место институтов ЕС в поддержке роста.

Концептуализируя «инклюзивный рост»: критика предшествующих подходов

Проблема «инклюзивного роста» возникла перед исследователями и политиками сравнительно недавно, но стала предметом одной из наиболее острых научных и общественных дискуссий последних лет (Sachs 2005; Stiglitz 2012; White 2012). Критике подвергаются как собственно подходы к определению научной категории, её наполнение конкретными элементами и характеризующими их показателями, так и пути и последствия её практической реализации в отдельных странах¹. На сегодняшний день существует множество трактовок сущности инклюзивного роста (Ianchovichina, Lundstrom 2009; Kjølner-Hansen, Lindbjerg Sperling 2020). При этом сама аналитическая концепция хотя и активно обсуждается, но пока сохраняет черты эфемерности, а апеллирование к инклюзивному росту в ряде научных работ и программных документах зачастую не столько преследует цели самостоятельного научного анализа, сколько оказывается своего рода приложением к рассмотрению иных тем политически актуальной и социально значимой мировой общественной повестки (Che Sulaiman et al. 2021; Raniery, Almeida Ramos 2013).

В отсутствие единого определения, будь то телеологического или функционального, введение в научный оборот категории «инклюзивный рост» производится чаще всего посредством указания на составляющие его части и аспекты. В большинстве трудов одним из компонентов инклюзивного роста называется *сокращение неравенства* (Ostry et al. 2019). В частности, речь идёт о сокращении диспропорций в получаемых доходах, а также выравнивании возможностей доступа к благам всех людей в обществе вне зависимости от расовой, гендерной или религиозной принадлежности. Известный исследователь инклюзивного роста М. Спенс подчёркивает необходимость ограничения неравенства по доходам и доступу к общественным благам «разумными пределами» (Спенс 2013). При инклюзивном росте создание равных возможностей для всех групп населения должно приводить к улучшению материальных условий и повышению

¹ Corrigan G. 2017. Lessons from Norway, the World's Most Inclusive Economy. *World Economic Forum*. 12 April. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/04/lessons-from-norway-the-world-s-most-inclusive-economy/> (accessed 08.10.2024); Manyika, J., Pinkus, G., Ramaswamy, S., Woetzel, J., Nyquist, S., Sohoni, A. 2016. The US Economy: An Agenda for Inclusive Growth. *McKinsey Global Institute*. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/employment%20and%20growth/can%20the%20us%20economy%20return%20to%20dynamic%20and%20inclusive%20growth/mgi-us-economic-agenda-briefing-paper-november-2016.ashx> (accessed 08.10.2024)

качества жизни². Эксперты Всемирного экономического форума (Samans et al. 2017) интерпретируют понятие «инклюзивный рост» как транслирование роста реального ВВП в повышение качества жизни путём создания соответствующих возможностей для всех групп населения.

Вторым аспектом инклюзивного роста в литературе признаётся *вовлечённость людей в социально-экономический прогресс*. Инклюзивный рост, как считают Че Сулайман и соавторы, есть «участие и разделение выгод» (Che Sulaiman et al. 2021). По мнению Г. Рауниар и Р. Канбур, условием инклюзивного роста является равноправный вклад в общественный прогресс всех членов общества (Rauniyar, Kanbur 2009). Специалисты Азиатского банка развития в своей методологии рассматривают инклюзивный рост отдельно с точки зрения как самого *процесса*, так и его *результатов*. Инклюзивный рост как процесс, по мнению авторов, предполагает вклад как можно большего числа людей, обладающих разнообразными способностями и талантами, в экономический рост страны на недискриминационной основе. Инклюзивный рост с точки зрения его результатов подразумевает повышение благосостояния максимально широкого круга людей в обществе, особенно из числа наименее обеспеченных его представителей (Klasen 2010, McKinley 2010). «Вовлечённость экономических субъектов в создание и распределение готового продукта» есть также базис инклюзивного экономического роста отдельных территорий (Бурганов 2022). Инклюзивный рост с точки зрения «вовлечённости» людей в социально-экономический прогресс предполагает наличие в экономике «инклюзивных институтов» (Бурганов и др. 2022; Пахомова и др. 2016), которые гарантируют возможность участвовать в экономическом развитии и претендовать на его выгоды «инклюзивным экономическим субъектам» (Нестерова и др. 2022), получающим «инклюзивное образование» и достигающим высокой степени личностного самоопределения и мотивации.

Ещё одной составляющей инклюзивного роста исследователи считают *укрепление человеческого потенциала*. Вовлечение людей в общественный прогресс, в том числе рост социальной активности общества, транслируется в улучшение качества жизни индивидов (Нечитайло и др. 2019). По Спенсу, инклюзивный рост характеризуется одновременным повышением показателей масштаба экономики и человеческого капитала (Спенс 2013). Казакова в своей работе видит развитие человеческого капитала (human development) одним из подходов к оценке социального благополучия, равноправным по отношению к подходу с точки зрения возможностей (capability approach) (Казакова 2016).

² The Productivity-Inclusiveness Nexus. *OECD*. 21 Sept 2018. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/the-productivity-inclusiveness-nexus_9789264292932-en (accessed 08.10.2024)

Исследователями подчёркивается и такой аспект инклюзивного роста, как *борьба с бедностью и создание рабочих мест* (Levitas 2005). Так, инклюзивный рост часто понимается как экономический рост, улучшающий положение наименее обеспеченных слоёв населения (*pro-poor growth*) (Mamman, Sohag 2023; Mamman 2023). Специалисты Всемирного банка также указывают на то, что инклюзивный рост в первую очередь должен приводить к увеличению масштаба экономики и расширению занятости, тогда как эффективное перераспределение ресурсов представляется им вторичным следствием.

Наконец, ещё одним компонентом инклюзивного роста является его роль одновременно как **программы и конечной цели государственной политики** (Wandel 2016). Достижение инклюзивного роста с позиции как возможностей, так и человеческого капитала ставит перед государством такие приоритеты, как поддержка групп населения, в недостаточной степени участвующих в социально-экономических процессах; развитие территорий и инфраструктуры; укрепление деловой среды; а также разработка и внедрение новых перераспределительных механизмов, учитывающих интересы меньшинства без ущерба для интересов большинства (Пахомова и др. 2016; Rauniyar, Kanbur 2009; Андриевская 2015). Эксперты ЮНКТАД рассматривают инклюзивный рост в контексте Повестки человеческого развития на период до 2030 г., в рамках которой основой инклюзивного и устойчивого развития является укрепление производственного потенциала³. В частности, как отмечают эксперты, категория «инклюзивный рост» нашла отражение в ЦУР 8: содействие поступательному, инклюзивному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Приведённые выше аспекты инклюзивного роста представляют собой общие направления роста благополучия в стране. Тем не менее, на наш взгляд, они в недостаточной степени раскрывают содержание категории «инклюзия» как включения, вовлечения, сопричастия и соучастия (Mascherini et al. 2015). Кроме того, сущность «роста» в рамках данной концепции также не однозначна. Для реализации таких приоритетов, как ликвидация бедности, сокращение неравенства или укрепление человеческого капитала, увеличение масштаба экономики или повышение значений отдельных макроэкономических агрегатов не является обязательным условием.

По нашему мнению, инклюзивный рост необходимо рассматривать как форму социально-экономического прогресса, при которой отдельные индивиды получают возможность самореализоваться в существующей структуре общественных отношений, ощущая собственную значимость и «включённость» в процессы на макроуровне. То есть инклюзивный рост в своей «развитой»

³ Stark Contrasts in Inclusive Growth – Progress towards equal Opportunities Needed Everywhere. 2023. *UNCTAD SDG Pulse*. URL: <https://sdgpulse.unctad.org/inclusive-growth/> (accessed 08.10.2024)

стадии должен иметь *субъект-центричный* характер и отражать индивидуальные представления о формате персональной вовлечённости в хозяйственную и культурную жизнь общества. Таким образом, на наш взгляд, именно структура межличностных отношений и индивидуальных оценок качества жизни должны быть столпами развитого инклюзивного роста. «Социально-неравное отношение к естественно-неравным людям» – так Мамедов определил опорную характеристику «инклюзивной цивилизации», указывая на необходимость дифференцированного отношения к людям, признавая и поощряя (*embracing*) их индивидуальные черты и особенности.

Структура межличностных отношений во многом определяется такими характеристиками, как *доверие и ответственность* (Новиков, Виткина 2018). Задачей инклюзивной экономики, как считает Е.В. Воеводина, является создание условий, при которых «агенты рынка труда будут ориентированы на доверие, ощущая свою защищённость и ответственность» (Воеводина 2023). Говоря про ответственность, важно заметить её *интертемпоральный характер*: при инклюзивной форме социально-экономического прогресса индивиды, а также их коллективы ощущают ответственность за судьбу потомков, что может, в частности, выражаться в бережливом отношении к окружающей среде и стремлении сократить негативный эффект сегодняшней хозяйственной деятельности на физическое самочувствие, а также ресурсный потенциал будущих поколений.

Тем не менее инклюзивный рост может и должен иметь выражение на уровне всей национальной экономики (Jacobs, Mazzucato 2016). С точки зрения *рынка труда* в инклюзивной экономике должна сокращаться доля людей, не участвующих в хозяйственных отношениях (*i*) по естественным причинам, (*ii*) вследствие невостребованности индивидуальности и особенностей личности в существующей структуре общественных отношений, а также (*iii*) по причине расхождения предлагаемых рынком содержания и уровня оплаты труда субъективным ожиданиям и индивидуальным представлениям граждан. С точки зрения *производства благ* инклюзивная экономика максимизирует функцию общественной полезности, дисконтированную с учётом платы за снижение загрязненности окружающей среды, возобновление ресурсов, а также создание избыточных резервов как «страхового обеспечения» будущего роста душевых доходов и обновления вещной и невещной инфраструктуры. Наконец, с точки зрения *распределения благ* экономика инклюзивного роста обеспечивает межсубъектный переток добавленной стоимости в пропорции, позволяющей (1) *индивидам* – воспроизводить трудовые ресурсы, всё более полно удовлетворять растущие потребности и финансировать расходы иждивенцев, (2) *бизнесу* – возобновлять и модернизировать фонды, повышать инновационный риск-аппетит и поощрять акционеров, (3) *государству* – развивать «связующую» инфраструктуру, «вводить в рынок» традиционно не рыночные сектора

экономики и финансировать расходы на повышение благосостояния и личностный рост индивидов (пособия, программы подготовки кадров, субсидирование ипотеки и т. п.).

Разработанные в литературе принципы и подходы к пониманию инклюзивного роста в большинстве своём отражают фундаментальные основания и черты «зрелого», сложившегося феномена инклюзивного роста, не детализируя эволюцию категории и не проводя её дифференциацию по уровням развития. По нашему мнению, становление модели инклюзивного роста в стране / группе стран, переход экономики от начального этапа к зрелому инклюзивному росту осуществляются постепенно и поступательно: прогресс на каждой последующей стадии опирается на достижения предшествующих этапов (таблица 1).

Таблица 1. Типология инклюзивного роста по уровням развития

Table 1. Typology of inclusive growth depending on advancement level

Признак	Уровень развития инклюзивного роста			
	Начальный	Промежуточный	Продвинутый	Зрелый
Сущность «инклюзии»	Участие <i>большинства</i> в хозяйственных отношениях	Включённость <i>большинства</i> в процессы экономической модернизации	Участие <i>всех</i> граждан в распределении выгод от всей экономики	Доступ <i>каждого</i> гражданина к условиям благополучия, процветания и свободного развития
Содержание «роста»	Повышение общего <i>материального благополучия</i>	Укрепление <i>человеческого капитала</i>	Прогресс <i>качества жизни всех</i> граждан, дифференцированное отношение к различным социальным группам	<i>Сопричастность</i> каждого гражданина к социально-экономическому прогрессу и культурной жизни общества
Ожидаемые результаты	<i>Ликвидация бедности</i> , создание рабочих мест, сокращение неравенства в доходах	<i>Рост продолжительности жизни</i> , снижение младенческой смертности, обновление инфраструктуры	<i>Сокращение неравенства возможностей</i> , укрепление позиций меньшинства в принятии жизненно важных решений	<i>Сокращение числа людей, не считающих себя счастливыми</i> , рост числа граждан, оценивающих качество жизни как стабильно высокое и непрерывно растущее
Субъект-центричность	<i>Низкая</i>	<i>Средняя</i>	<i>Выше средней</i>	<i>Высокая</i> : Человек и его жизнь в центре национальной экономической политики
Прямая государственная поддержка	<i>Высокая</i>	<i>Относительно высокая</i>	<i>Средняя</i>	<i>Относительно низкая</i>
Базовый метод оценки	<i>Статистический анализ ВВП (простой индексный)</i>	<i>Статистический анализ ВВП (интегральный индексный)</i>	<i>Качественные многомерные индексы</i>	<i>Тематический анализ, контент-анализ (интервью, работа с фокус-группами)</i>

Источник: составлено авторами

Модель инклюзивного роста Евросоюза: становление и основные принципы

Впервые прямое и непосредственное внимание проблеме инклюзивного роста в Евросоюзе на официальном уровне было уделено в Стратегии «Европа 2020» (далее – Стратегия)⁴, в которой инклюзивный рост был определён как *инструмент* для формирования экономики с *высокой занятостью, обеспечивающей социальную и территориальную сплочённость Европы*. В качестве основы такого инклюзивного роста авторы Стратегии выделили развитие, в первую очередь, занятости и профессиональных навыков, а также борьбу с бедностью. При этом в документе инклюзивный рост рассматривался наряду и в совокупности с «умным ростом» (развитие инноваций, совершенствование системы образования, продвижение цифрового общества) и «устойчивым ростом» (защита климата, содействие энергопереходу, обеспечение промышленной конкурентоспособности). По справедливому замечанию Н.Б. Кондратьевой, такой комплексный подход совмещает стремление следовать передовым технологическим и экономическим мировым трендам с традиционной поддержкой уязвимых слоёв европейского общества (Кондратьева 2019).

Стратегия «Европа 2020» была принята в 2010 г. как реакция на последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. В ней были обозначены следующие ожидаемые результаты инклюзивного роста на 2020 г.:

- решение проблемы сокращения численности рабочей силы на фоне старения населения Европы. Целевой показатель 2020 г. – достижение уровня занятости населения в возрасте от 20 до 64 лет в 75%;
- формирование устойчивой системы «обучения на протяжении жизни» в интересах обеспечения высококвалифицированной занятости. Цель №1 – снижение числа учащихся, не окончивших обучение, до 10%. Цель №2 – получение высшего образования не менее чем 40% молодых людей в возрасте 30–34 лет;
- обеспечение условий жизни, при которых доходы граждан полностью покрывают их базовые потребности. Цель – снизить число людей, подверженных риску бедности и социальной эксклюзии, на 20 млн человек, при этом сократив долю европейцев, проживающих за национальной чертой бедности, до 25%.

Отметим, что Стратегия определила институциональный контур поддержки инклюзивного роста на уровне Евросоюза (Silander 2024). Программа ЕС по развитию новых компетенций и созданию рабочих мест была призвана поддержать модернизацию рынков труда, облегчить трудовую мобильность

⁴ Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable, and Inclusive Growth. Communication from the Commission. Brussels, 03.03.2010.

и содействовать снижению разрыва между предложением труда в Евросоюзе и спросом на него. Деятельность Европейской платформы по противодействию бедности направлена на обеспечение равного распределения выгод от экономического роста, а также достойной жизни и активного участия в общественной жизни европейцев, испытывающих финансовые трудности или «социальную эксклюзию».

В последующих документах ЕС инклюзивный рост упоминался исключительно в контексте текущей деятельности Союза. В Регламенте ЕС №1301/2013 сказано, что Европейский фонд регионального развития также должен содействовать стратегии устойчивого, умного и инклюзивного роста Евросоюза. В частности, приоритетная поддержка должна оказываться проектам в сфере повышения энергоэффективности и безопасности поставок сырья⁵. Регламент ЕС №1316/2015 также определил соответствие Стратегии «Европа 2020» в качестве основного критерия предоставления финансирования инновационным проектам со стороны Европейского фонда стратегических инвестиций⁶. Поддержка инклюзивного роста Евросоюза указана в Регламенте ЕС №2024/1263 в качестве приоритета эффективной координации экономической политики стран-участниц Союза⁷.

В более широком контексте составляющие инклюзивного роста в соответствии с определением, приведённым в Стратегии «Европа 2020», прописаны в двадцати принципах Европейской опоры социальных прав, выступающей в качестве ориентира политики Союза в отношении улучшений условий труда и социальной поддержки граждан (таблица 2).

⁵ Regulation (EU) No 1301/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on the European Regional Development Fund and on specific provisions concerning the Investment for growth and jobs goal and repealing Regulation (EC) No 1080/2006. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013R1301&qid=1716030082384> (accessed 08.10.2024)

⁶ Regulation (EU) 2015/1017 of the European Parliament and of the Council of 25 June 2015 on the European Fund for Strategic Investments, the European Investment Advisory Hub and the European Investment Project Portal and amending Regulations (EU) No 1291/2013 and (EU) No 1316/2013 – the European Fund for Strategic Investments. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015R1017&qid=1716030082384> (accessed 08.10.2024)

⁷ Regulation (EU) 2024/1263 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2024 on the effective coordination of economic policies and on multilateral budgetary surveillance and repealing Council Regulation (EC) No 1466/97. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1263&qid=1716030082384> (accessed 08.10.2024).

Таблица 2. Принципы инклюзивного роста, установленные в Европейской опоре социальных прав

Table 2. Inclusive growth mainstays specified in The European Pillars of Social Rights

Раздел документа	Принцип инклюзивного роста	Основные программы поддержки Евросоюза
Равенство возможностей и доступ на рынок труда	Равные возможности для социальных групп	Европейская стратегия гендерного равенства; Директива ЕС о прозрачности оплаты труда
	Поддержка выхода на рынок труда	Программа ALMA (поддержка незанятой молодёжи, не обладающей достаточными образованием и навыками)
Социальная защита и инклюзия	Вовлечение людей с ограниченными возможностями	Стратегия ЕС по защите прав людей с ограниченными возможностями на период 2021–2030 гг.; Пакет услуг ЕС по содействию занятости людей с ограниченными возможностями (создание условий труда, борьба со стереотипами, обеспечение программ реабилитации по запросу)
	Обеспечение доступа к жизненно важным услугам	Мониторинг барьеров для доступа к жизненно важным услугам ⁸ ; Рекомендации Еврокомиссии по обеспечению населения энергоресурсами ⁹

Источник: составлено автором на основе *The European Pillars of Social Rights in 20 Principles*. European Commission, Official Website. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1606&langId=en> (accessed 08.10.2024)

Прогресс в реализации стратегии инклюзивного роста Евросоюза

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. обнажил ряд проблем экономики объединения. В частности, предыдущая модель развития ЕС вступила в противоречие с потребностями экономического прогресса и не смогла обеспечить, как выразился президент Еврокомиссии Ж. Баррозу, «возвращения экономики Евросоюза на нормальную траекторию развития и сокращения дефицита её роста»¹⁰. Эксперты Еврокомиссии смогли интерпретировать запрос общества на устранение последствий кризиса и бизнеса на повышение международной конкурентоспособности, сформулировав следующие приоритеты: повышение вовлечённости населения в рынок труда, повышение квалификации рабочей силы, борьба с бедностью, поддержка экономики знаний и цифрового общества, повышение энергоэффективности и конкурентоспособности производства. В противовес Лиссабонской стратегии, реализация которой не достигла

⁸ Commission publishes recommendations to tackle energy poverty across the EU. *European Commission, Official Website*. URL: https://energy.ec.europa.eu/news/commission-publishes-recommendations-tackle-energy-poverty-across-eu-2023-10-23_en (accessed 08.10.2024).

⁹ Commission Recommendation (EU) 2023/2407 of 20 October 2023 on energy poverty. *EUR-lex*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202302407 (accessed 08.10.2024).

¹⁰ Europe 2020: Commission proposes new economic strategy for Europe. Press Release. *European Commission*. 03.03.2010. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_10_225 (accessed 08.10.2024)

ожидаемых результатов по причине её перегруженности конкретными целями (Leon, Nica 2011), в принятой стратегии «Европа 2020» число задач существенно сократилось, а одной из них и был собственно инклюзивный рост. Помимо Программы ЕС по развитию новых компетенций и Европейской платформы по противодействию бедности, в рамках Европейского социально-экономического комитета также был создан и начал активную деятельность Руководящий комитет Стратегии «Европа 2020», призванный обеспечить вовлечение национальных органов и гражданского общества в процесс реализации Стратегии. И хотя количественно оценить влияние Стратегии «Европа 2020» на инклюзивный рост ЕС сегодня не представляется возможным в силу отсутствия достоверных методик, можно сформулировать основные результаты этого роста за десятилетие после 2010 г.

Сразу оговоримся, что в рамках реализации Стратегии «Европа 2020» проблема нехватки рабочей силы в Евросоюзе не была решена в первоначально намеченные сроки: в 2020 г. занятость населения в возрасте от 20 до 64 лет составила лишь 71,7%. Однако к 2023 г. показатель вырос уже до 75,3%, достигнув требуемой величины¹¹. Цель снижения числа молодых людей, не окончивших обучение, была достигнута: уже в 2020 г. их процент в общей численности населения Евросоюза в возрасте 18–24 лет составил 10,0%, в 2023 снизился до 9,5%¹². Кроме того, в 2020 г. 41,2% молодёжи в возрасте 30–34 лет имели высшее образование; к 2023 г. показатель вырос до 43,9%. Евросоюз также демонстрирует прогресс в сокращении числа людей, подверженных риску бедности и социальной эксклюзии. За период 2015–2020 гг. их число снизилось с 119,6 до 92,2 млн чел. (-27,4 млн), что свидетельствует о существенном превышении цели, заявленной в Стратегии. В целом – и это подтверждают многие исследователи (Stec, Grzebyk 2018, Darvas, Wolff 2016) – существенный прогресс Евросоюза в инклюзивном росте с точки зрения его характеристик в рамках Стратегии «Европа 2020» был достигнут.

Евросоюз также демонстрирует прогресс в выравнивании распределения экономических выгод. Согласно исследованиям, за период 2007–2017 гг. наименее обеспеченные группы населения, проживающие в большей части в менее развитых государствах Союза, «улавливали» всё больший позитивный эффект от экономического роста в ЕС¹³. Одновременно с этим, выражаясь в терминах «социальной сплочённости», в Евросоюзе наблюдается «разобщённость» между

¹¹ Employment and activity by sex and age – annual data. *Eurostat Official Website*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lfsi_emp_a/default/table?lang=en&category=labour.employ.lfsi.lfsi_emp (accessed 08.10.2024)

¹² Early leavers from education and training by sex and labor status. *Eurostat Official Website*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/edat_lfse_14/default/table?lang=en (accessed 08.10.2024)

¹³ Employment and Social Developments in Europe 2020. DG Employment and Social Affairs. 2020. *European Commission*. URL: <https://www.europeansources.info/record/employment-and-social-developments-in-europe-2020/> (accessed 08.10.2024)

группами государств в уровне социальной поддержки. Страны Южной и Восточной Европы характеризуются существенно меньшей социальной защитой беднейших слоёв населения по сравнению с группой северных стран, в которых перераспределение доходов находится на значительно более высоком уровне. В целом, экономика Средиземноморского региона в наименьшей степени среди стран Евросоюза удаётся решить проблему безработицы и высокой доли населения, проживающей за чертой бедности (Bughin et al. 2018). Таким образом, Евросоюзу, определёнno удалось достичь успехов в направлениях повышения инклюзивного роста объединения.

Между тем в страновом разрезе прогресс не выглядит столь же однозначным. Как было отмечено ранее, хотя цели стратегии в отношении занятости и борьбы с бедностью были достигнуты, неоднородность социально-экономического прогресса в разрезе отдельных национальных экономик и групп стран усилилась. Результаты мониторингов и аналитики, в том числе со стороны исследователей института Брейгель (Demertzis et al. 2019), проливают свет на проблемы инклюзивного роста Евросоюза. В период реализации Стратегии регионы стран Центральной и Восточной Европы продемонстрировали существенную конвергенцию по уровню душевых доходов по отношению к наиболее обеспеченным регионам стран ЕС, тогда как регионы Юга Европы и частично Франции – значимую дивергенцию. Однако, как замечают эксперты Европейского банка реконструкции и развития¹⁴, большую часть выигрыша за счёт конвергенции регионов стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) присваивали наиболее обеспеченные слои населения данных экономик. Таким образом, применительно к странам ЦВЕ, обострилось противоречие между экономическим ростом и социально-экономическим равенством, причём на региональном уровне.

Ещё одно противоречие родилось в период реализации Стратегии на фоне ускоренной цифровизации экономики Евросоюза и повышения степени её участия в процессах экономической глобализации. Так, в подобных условиях большая часть выгод доставалась, в первую очередь, молодому и мобильному населению крупных городов. Особенно остро данная проблема стоит для стран Юга Европы, в которых медианный возраст населения значимо выше, чем в остальных странах Европы. Более того, в этих странах указанная проблема накладывается на высокий уровень имущественного расслоения населения, что в совокупности повышает риски социальной напряжённости и протестной активности. Сущность противоречия заключается в неравенстве доступа к благам глобализации 2010-х гг. и их распределения между группами населения стран ЕС, отличных по возрасту и степени урбанизации.

¹⁴ Transition for all: Equal opportunities in an unequal world: Transition Report 2016–17. *European Bank for Reconstruction and Development*. URL: <https://2016.tr-ebrd.com/> (accessed 08.10.2024)

Многомерная оценка инклюзивного роста в Евросоюзе на современном этапе

В настоящей работе многомерная количественная оценка инклюзивного роста, в первую очередь, базируется на Индексе инклюзивного роста ЮНКТАД¹⁵. Значения Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД¹⁶ для стран Европы приведены на рисунке 1. Можно заметить, что наибольшее значение индекса характерно для Ирландии, Дании и Люксембурга. Также из рисунка видно, что высокое значение ИИР характерно для стран Северной и Центральной Европы. Наиболее низкие значения ИИР имеют страны Восточной и Южной Европы.

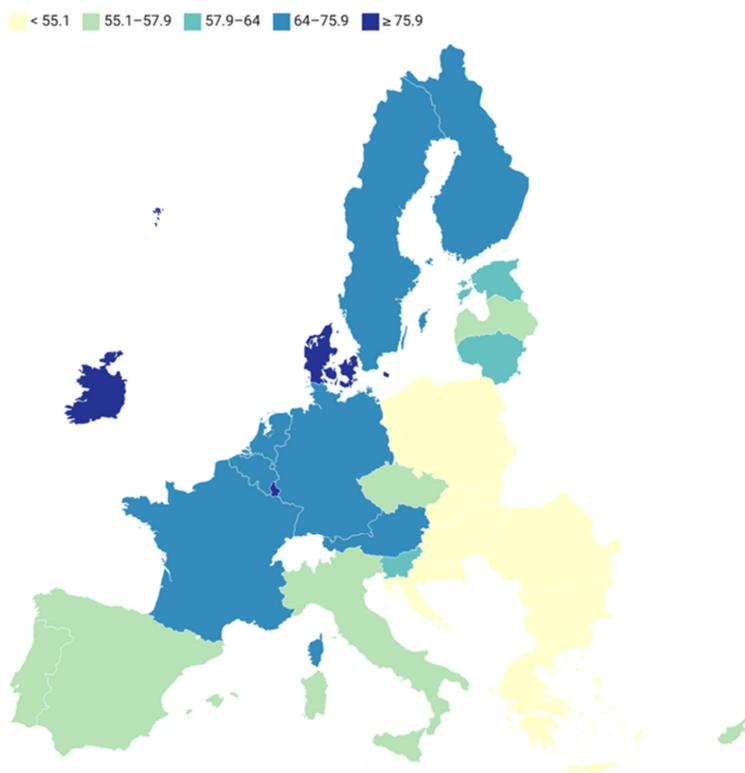

Рис. 1. Значение Индекса инклюзивного роста для стран ЕС-27

Fig. 1. The values of UNCTAD Inclusive Growth Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

¹⁵ Индекс охватывает 27 показателей инклюзивного роста, сгруппированных по категориям «Экономика», «Равенство», «Условия жизни» и «Окружающая среда». Показатель рассчитан для 129 стран по данным за 2021 г.

¹⁶ Inclusive Growth Index. 2023. UNCTAD Stat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Анализируя данные ЮНКТАД, можно также выявить страны-лидеры по отдельным категориям показателей (таблица 3). Люксембург является лидером в категориях «Экономика» и «Окружающая среда». В целом, перечень стран-лидеров по всем категориям довольно схожий. Исключение составляют только Литва и Латвия, занимающие высокие позиции в категории «Окружающая среда».

Таблица 3. Страны-лидеры ЕС по значению индекса по отдельным категориям
Table 3. Leaders in the Inclusive Growth Index by category among EU member states

Экономика		Условия жизни	
Страны-лидеры	Значение индекса по категории	Страны-лидеры	Значение индекса по категории
Люксембург	100,0	Бельгия	100,0
Ирландия	76,8	Швеция	98,7
Швеция	55,6	Финляндия	97,7
Дания	54,8	Дания	97,2
Нидерланды	53,5	Нидерланды	95,3
Финляндия	51,9	Германия	94,1
Бельгия	49,9	Франция	93,8
Равенство		Окружающая среда	
Страны-лидеры	Значение индекса по категории	Страны-лидеры	Значение индекса по категории
Финляндия	100,0	Люксембург	100,0
Швеция	97,0	Дания	64,8
Дания	96,0	Ирландия	63,6
Нидерланды	92,4	Литва	55,3
Австрия	89,9	Латвия	54,3
Франция	87,4	Швеция	51,9
Бельгия	86,4	Франция	50,2

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). *Inclusive Growth Index*. URL <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Достаточно ожидаемая картина наблюдается при сравнении значений индекса по категориям «Равенство» и «Условия жизни» для стран Евросоюза (рисунок 2)¹⁷. Несмотря на определённый разброс относительно линии тренда, для стран ЕС можно отметить устойчивую тенденцию положительной взаимосвязи между показателями условий жизни и равенства в распределении доходов, участия в рынке труда и т. п. Исключением является Греция, у которой значение индекса «Условий жизни» нетипично велико для соответствующего относительно низкого значения индекса «Равенство», а также Хорватия, которая демонстрирует

¹⁷ На данном и последующих рисунках (графиках) диаметр круга для каждой страны пропорционален логарифму соответствующего номинального ВВП страны.

обратную картину. Кроме того, Люксембург и Ирландия, имеющие нетипичные значения по совокупному индексу, вписываются в общий тренд по данным двум субиндексам.

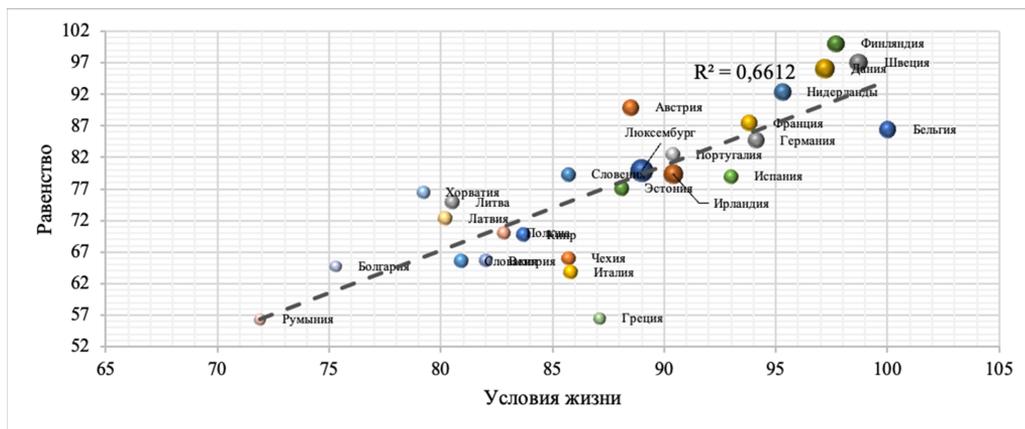

Рис. 2. Сравнение значений индекса по категориям «Равенство» и «Условия жизни» для стран ЕС-27

Fig. 2. Comparison of the Index values by the 'Equality' and 'Living conditions' categories for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Сопоставляя значения Индекса по категориям «Равенство» и «Экономика», можно заметить, что для всех стран ЕС-27, за исключением Ирландии и Люксембурга, наблюдается положительная корреляция между значениями Индекса по выделенным категориям (рисунок 3). Между тем, в условно «нижней» части значений по категориям (т. е., до значений Франции и Германии) взаимосвязь между показателями довольно слабая. Характерно, что Ирландия и Люксембург имеют столь высокие значения по категории «Экономика», обладая сравнительно средними значениями по категории «Равенство». Учитывая существенную специализацию упомянутых экономик в секторе услуг, можно предположить, что основная доля доходов в этих странах приходится именно на высокооплачиваемых специалистов сферы услуг, которые и обеспечивают лидирующие позиции стран в экономическом измерении.

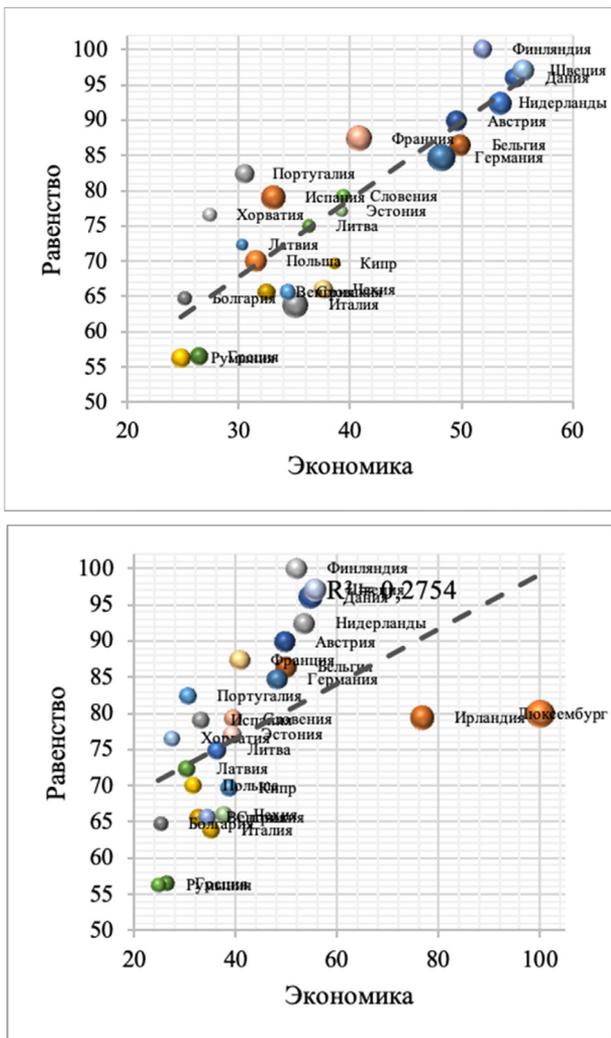

Рис. 3. Сравнение значений индекса по категориям «Равенство» и «Экономика» для стран ЕС-27 (с Ирландией и Люксембургом и без них)

Fig. 3. Comparison of the Index values by the 'Equality' and 'Economy' categories for the EU-27 member states (with and without Ireland and Luxembourg)

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024)

Можно отметить, что в Евросоюзе существует высокая стратификация стран по уровню инклюзивного роста. Лидерами являются страны Северной и континентальной Европы, за ними следуют (вопреки результатам, полученным специалистами McKinsey) страны средиземноморского региона, а в числе «аутсайдеров» оказались страны Центральной и Восточной Европы. Бельгия

смогла стать лидером по уровню жизни среди стран Европы, не достигнув такого уровня социально-экономического равенства, как страны Северной Европы. Аналогично Греция, в которой общественное неравенство продолжает оставаться существенной проблемой, по условиям жизни находится на уровне Словении и Эстонии. Австрия, в свою очередь, демонстрируя высокую степень социально-экономического равенства в стране, не достигает соответствующего прогресса в улучшении условий жизни. В группе стран – локомотивов Евросоюза наблюдаются пропорционально высокий уровень социально-экономического равенства. В то же время в странах «периферии» Союза связь между общественным неравенством и экономическим развитием не наблюдается.

Человеческое развитие, благополучие и счастье: признаки «зрелого» инклюзивного роста в Евросоюзе

В попытке выявить черты «зрелого» инклюзивного роста Евросоюза было проведено сравнение значений Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД с другими интегральными индикаторами развития. В качестве таковых рассматривались следующие: Индекс человеческого развития (далее – ИЧР), Расширенный индекс человеческого развития (далее – РИЧР), Индекс благополучия Института Легатум (далее – ИБЛ) и Индекс счастья (далее – ИС).

Несмотря на то, что Индекс человеческого развития отражает степень развития собственно человеческого потенциала страны, по нашему мнению, его значения свидетельствуют об успешности комплексной социально-экономической политики страны и отражают инклюзивный рост с точки зрения его результатов.

ИЧР был предложен в 1990 г. специалистами Программы развития ООН. В основе индикатора лежит оценка таких показателей, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и валовой национальный доход на душу населения по ППС.

На рисунке 4 представлено сравнение значений ИИР и ИЧР для стран ЕС-27 за 2021 г. В целом, для большинства стран ЕС характерна прямая зависимость между показателями. Явное исключение составляет Люксембург, для которого регистрируется нетипично высокое значение инклюзивного роста при имеющемся уровне человеческого развития. Примечательна ситуация для группы стран Центральной и Южной Европы, выделенной на графике замкнутой линией синего цвета. При сравнительно высокой степени развития человеческого потенциала указанные страны не в полной мере реализуют потенциал инклюзивного роста, что подтверждается сравнительно низкими значениями ИИР при средних и выше значениях ИЧР.

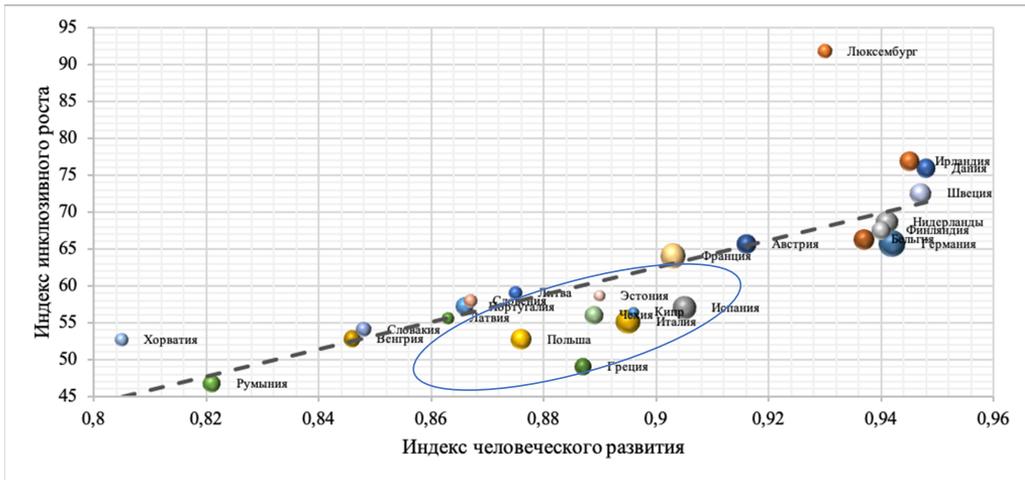

Рис. 4. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста и Индекса человеческого развития для стран ЕС-27

Fig. 4. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and UN Human Development Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); United Nations (2023). Human Development Index. Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 08.10.2024)

Расширенный индекс человеческого развития (РИЧР)¹⁸, кроме оценки трёх составляющих классического ИЧР, учитывает также уровень гражданских и политических свобод в стране на основе индекса демократии, публикуемого проектом Varieties of Democracy¹⁹ Гётеборгского университета (Швеция) (рисунок 5). Обращает на себя внимание, что в РИЧР Германия вышла в лидеры среди стран ЕС-27. Наиболее значимым является изменение позиций Ирландии. На основе сравнения двух показателей можно сделать вывод о том, что, несмотря на высокий уровень инклюзивного роста в стране, Ирландия в недостаточной степени реализует потенциал укрепления гражданских и политических свобод в стране. Примечательно, что для стран Южной и Восточной Европы регистрируются схожие значения по обоим индексам. Это может свидетельствовать о том, что при средних значениях человеческого потенциала (средний уровень РИЧР), даже с учётом высокого уровня развития демократических институтов

¹⁸ Augmented Human Development Index. 2021. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/augmented-human-development-index> (accessed 08.10.2024)

¹⁹ Department of Political Science, University of Gothenburg, Sweden. 2023. *V-Dem (Varieties of Democracy)*. URL: <https://www.v-dem.net/about/v-dem-project/> (accessed 08.10.2024)

и свобод, указанные страны Евросоюза ощущают некий «потолок» инклюзивного развития и достигают только определённого, относительно невысокого уровня инклюзивного роста.

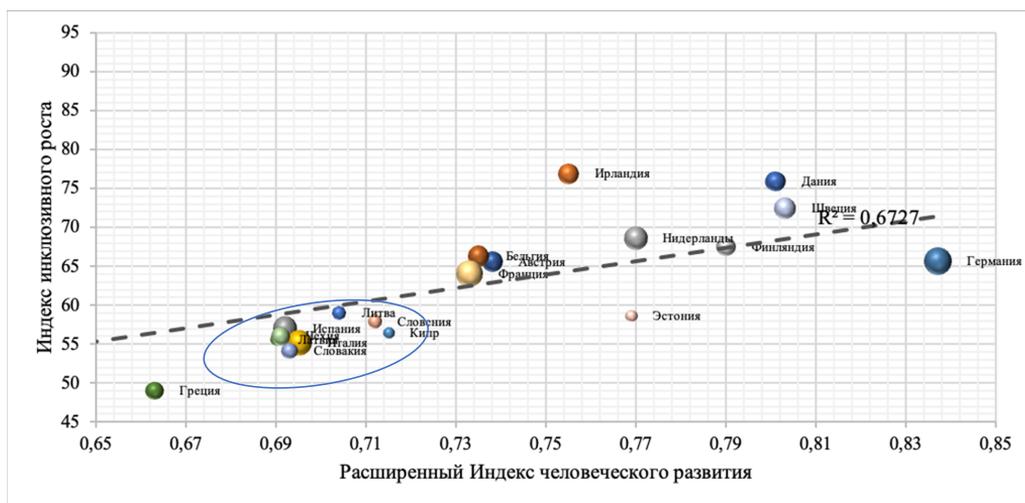

Рис. 5. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста и Расширенного индекса человеческого развития для стран ЕС-27

Fig. 5. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and UN Augmented Human Development Index

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); Augmented Human Development Index. (2021). Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/augmented-human-development-index> (accessed 08.10.2024)

Менее распространённым, но вместе с тем методологически строгим и многообразным индикатором благополучия и инклюзивного роста страны является Индекс благополучия, разработанный Институтом Легатум (ИБЛ)²⁰. По мнению авторов индекса, благополучие есть результат деятельности государства, направленной на развитие общества, который «работает в интересах каждого», то есть общества, которое является инклюзивным и в котором действует строгий общественный договор, гарантирующий фундаментальные свободы и безопасность граждан. В действительности методология расчёта этого индекса схожа с методикой Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД: основу его построения составляют три группы показателей, характеризующих инклюзивное общество, открытую экономику и человеческий потенциал соответственно.

²⁰ The Legatum Centre for National Prosperity. 2023. *Legatum Prosperity Index*. URL: <https://www.prosperity.com/> (accessed 08.10.2024)

Однако в отличие от Индекса инклюзивного роста, большинство показателей ИБЛ являются относительными. Ввиду упомянутой специфики, можно предположить, что присвоение оценок отдельным показателям в Индексе благополучия носит более субъективный характер, чем в Индексе инклюзивного роста.

На рисунке 6 приведено сравнение значений обоих индексов для стран ЕС-27. Можно заметить, что для большинства стран Евросоюза характерна сильная положительная корреляция между ними, в то время как Ирландия и Люксембург явно «выбиваются» по значению Индекса инклюзивного роста. Одним из возможных объяснений такому отклонению может являться различие в методиках оценки, в частности, Индекс инклюзивного роста использует показатели ВВП на душу населения, экспортной / импортной квоты и т. п. Кроме того, Люксембург занимает только невысокое 36-е место в ИБЛ по показателям образования, которые в этом индексе рассматриваются более пристально, чем в Индексе инклюзивного роста. Ирландия в нём же занимает 23-е место по показателям здравоохранения и 24-е место по показателям рыночной инфраструктуры. Подобные группы индикаторов также не представлены в Индексе инклюзивного роста ЮНКТАД.

В целом благодаря большому многообразию Индекс благополучия Института Легатум позволяет точнее определить уязвимые сферы социально-экономической жизни страны, а, следовательно, и более точно определить степень благополучия её населения. К примеру, Литва занимает 129-е место в мире по показателям общественного капитала, которые отражают степень развития общественных связей, коммуникаций и толерантности. Одновременно с этим, учитывая тесную корреляцию между значениями двух индексов для стран ЕС-27, стоит отметить заслугу авторов Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, которым удалось меньшим числом показателей обнаружить и доказать схожие тенденции, что выявляются более сложным и трудоёмким для расчета Индексом благополучия.

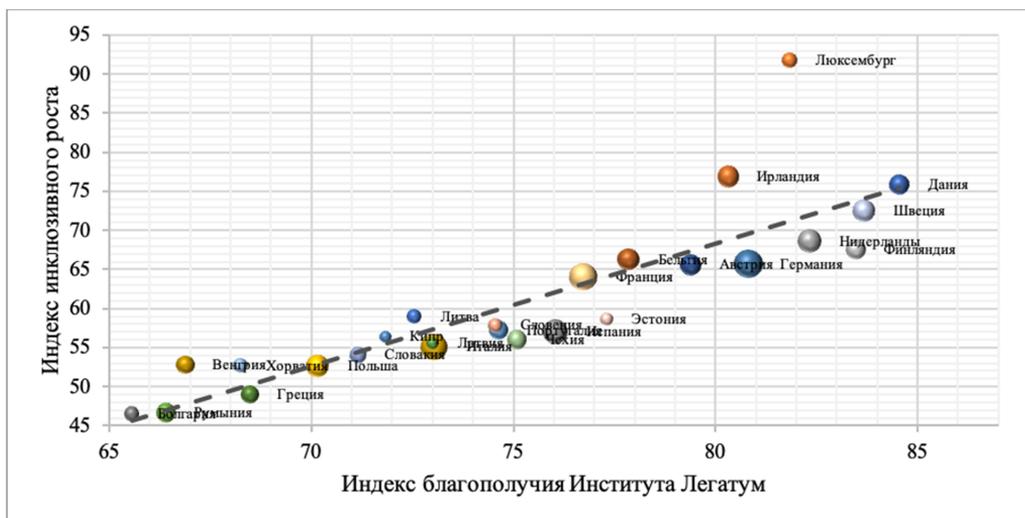

Рис. 6. Сравнение значений индекса инклюзивного роста и индекса благополучия Института Легатум для стран ЕС-27

Fig. 6. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and Legatum Prosperity Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); Legatum Prosperity Index (2023). The Legatum Centre for National Prosperity. URL: <https://www.prosperity.com/> (accessed 08.10.2024)

Важным индикатором общественного благополучия, комфортности жизни людей и степени удовлетворения населения от проводимых правительством страны социально-экономических преобразований является Индекс счастья, публикуемый в рамках доклада World Happiness Report²¹. Расчёт Индекса счастья опирается на оценку шести групп индикаторов, а именно: ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность ментально и физически здоровой жизни, свобода принятия определяющих решений, благотворительность и восприятие коррупции. При этом, за исключением первого индикатора, оценка значений других показателей опирается на субъективное восприятие и производится опросным методом, в рамках которого респонденты отвечают на вопросы, выставляя оценку от 1 до 10, где 10 – наилучшая оценка. К примеру, для оценки надёжности и уверенности в социальной поддержке эксперты доклада адресуют респондентам следующий вопрос: «Оказавшись в беде, сможете ли Вы рассчитывать на помощь близких или друзей в любой момент времени или нет?»

²¹ Sustainable Development Solutions Network. 2023. *World Happiness Report*. URL: <https://worldhappiness.report/> (accessed 08.10.2024).

На рисунке 7 представлено сравнение Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД и Индекса счастья для стран Евросоюза. По всей выборке наблюдается устойчивая положительная корреляция между двумя индексами. Несмотря на значительный прогресс в части инклюзивного роста, население стран Люксембурга и Ирландии, согласно Индексу счастья, не ощущает себя счастливым в той же мере, как страны Северной Европы. Также можно заметить, что наименее счастливыми себя считают представители стран Юга Европы. И в первом, и во втором случае наблюдается взаимосвязь с прогрессом в инклюзивном росте страны. Любопытным представляется положение Румынии, жители которой считают себя намного более счастливыми, чем представители стран, для которых регистрируется такое же низкое значение ИИР. Таким образом, можно сделать важный вывод о том, что качество социально-экономической среды является определяющим для «ощущения счастья» среди граждан стран Евросоюза. При этом наиболее значимым параметром представляется фактор социально-экономического равенства в стране (рисунок 8). Следовательно, работа в направлении достижения полного равенства в обществе также входит в число приоритетов национальных правительств стран – членов ЕС-27 с точки зрения повышения степени удовлетворённости населения текущими социально-экономическими условиями в стране.

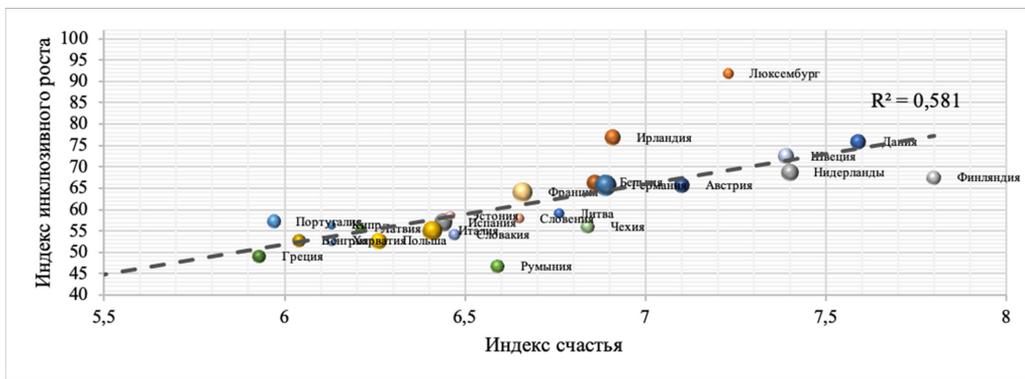

Рис. 7. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД и Индекса счастья для стран ЕС-27

Fig. 7. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and World Happiness Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); World Happiness Report (2023). Sustainable Development Solutions Network. URL: <https://worldhappiness.report/> (accessed 08.10.2024)

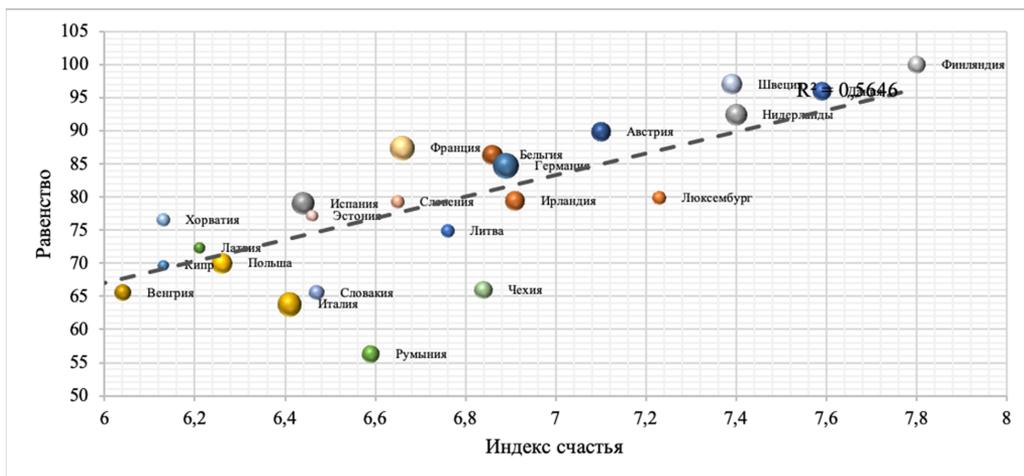

Рис. 8. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД по категории «Равенство» и Индекса счастья для стран ЕС-27

Fig. 8. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index by the 'Equality' category and World Happiness Index for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> (accessed 08.10.2024); World Happiness Report (2023). Sustainable Development Solutions Network. URL: <https://worldhappiness.report/> (accessed 08.10.2024)

По итогам количественных сравнений можно заключить, что распределение стран Евросоюза по уровню инклюзивного роста имеет более равномерный вид, чем распределение по степени человеческого развития. Страны Северной Европы, Бенилюкс и Германия имеют схожие значения Индекса человеческого развития при различном уровне инклюзивного роста, что свидетельствует о наличии некоторых скрытых механизмов, выравнивающих степень развития человеческого капитала стран «ядра» Европейского союза. Степень развития общественной безопасности, защиты личных прав и свобод в странах ЕС также находится в прямой зависимости от уровня инклюзивного роста. В то же время, несмотря на видимую позитивную взаимосвязь между Индексом инклюзивного роста и Индексом счастья, имеется ряд примечательных особенностей. Так, Франция, Германия, Австрия, Нидерланды и Финляндия, отличающиеся схожим уровнем инклюзивного роста, имеют существенные различия в характеристике субъективного уровня счастья населения стран. Разрыв по Индексу счастья между Финляндией и Францией по абсолютным значениям эквивалентен разрыву между Нидерландами и странами Юга Европы, традиционно испытывающими экономические трудности. В то же время для всех стран Евросоюза коэффициент вариации Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД в два раза превосходит аналогичный показатель Индекса

счастья, из чего с очевидностью следует, что при наличии значимого разрыва в уровнях инклюзивного роста страны объединения гораздо ближе между собой по субъективной оценке счастья их населением. В странах ЕС фактор социально-экономического равенства / неравенства граждан слабо влияет на то, насколько счастливыми себя эти граждане чувствуют. Так, жители Франции и Румынии схожим образом оценивают уровень своего субъективного счастья, несмотря на то что во Франции общественное неравенство существенно ниже, чем в Румынии.

Проблемы количественной оценки инклюзивного роста в Евросоюзе

Оценка инклюзивного роста с помощью количественных показателей вне зависимости от степени их охвата и наполнения частными индикаторами сопряжена с рядом объективных проблем, обусловленных попыткой связать воедино разнородные показатели и сгладить индивидуальные особенности отдельных стран. Несмотря на все достоинства Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, к числу которых можно отнести понятную методику расчёта, объективное присвоение весов с помощью метода главных компонент и возможность получить значение индекса для большинства стран мира, необходимо отметить его методологические недостатки.

Во-первых, сам по себе метод главных компонент не позволяет в полной мере учесть специфику всех используемых индикаторов. Наибольший вес в конечном индексе получают показатели, нормированные значения которых имеют наибольшую дисперсию. К примеру, если у выборки стран наблюдается большой размах значений ВВП на душу населения, то этот показатель будет иметь больший вес в конечном индексе, а остальные показатели инклюзивного роста будут иметь меньшее значение в конечном индексе (рисунок 9).

Во-вторых, как и в иных интегральных индексах, величина итогового показателя находится в прямой зависимости от включённых в его расчёт показателей. С одной стороны, упомянутая проблема может быть решена включением в расчёт индекса как можно большего числа исходных переменных. С другой стороны, в таком случае интерпретация индекса станет практически невозможной.

В-третьих, Индекс инклюзивного роста ЮНКТАД включает в себя довольно противоречивые показатели. Например, в категории «Экономика» в качестве одного из параметров используется показатель экспортной / импортной квоты как отношение стоимостной величины совокупного экспорта / импорта страны к номинальному ВВП. При этом может сложиться ситуация, когда экспортная / импортная квота страны высокая, однако основным товаром в экспорте является сырьё, а в импорте – готовая высокотехнологичная продукция. Описанная ситуация характерна для сравнительно менее развитых экономик мира с отсталой структурой экспорта, однако подобные страны получают дополнительные «очки» в Индексе инклюзивного роста ЮНКТАД.

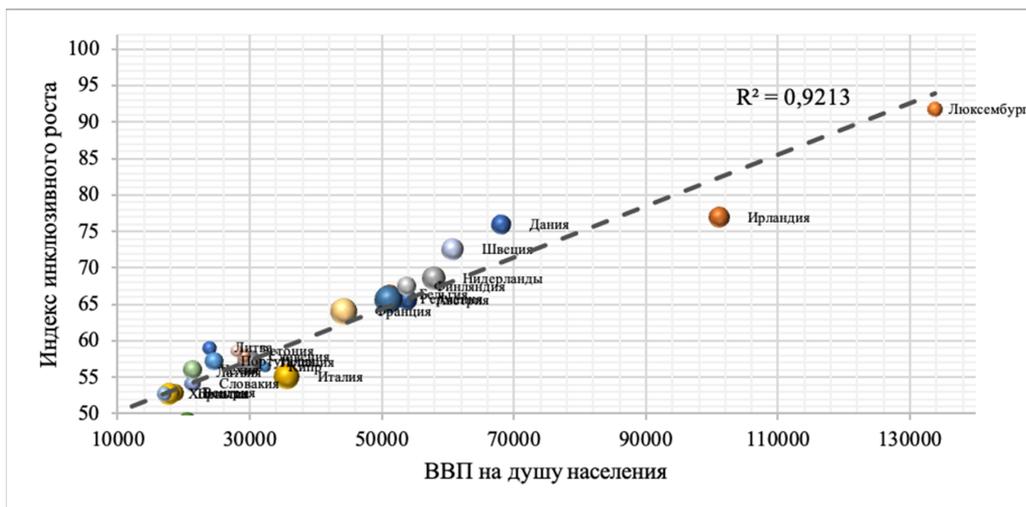

Рис. 9. Сравнение значений Индекса инклюзивного роста и ВВП на душу населения для стран ЕС-27

Fig. 9. Comparison of the values of UNCTAD Inclusive Growth Index and per capita GDP for the EU-27 member states

Источник: составлено авторами на основе UNCTAD Stat (2023). Inclusive Growth Index. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.InclusiveGrowth> accessed 08.10.2024)

Тем не менее, на наш взгляд, более значимым методологическим недостатком или, скорее, особенностью Индекса инклюзивного роста ЮНКТАД, который вызывает противоречия в интерпретации полученных значений, является его выраженная избирательность в отношении малых экономик. Пятёрка лидеров по значению индекса среди всех стран мира включает в себя Люксембург, Швейцарию и Лихтенштейн, Ирландию, Сингапур и Данию. Более того, например, Люксембург имеет настолько большой отрыв от остальных стран мира по категории «Окружающая среда», что следующая за ним Дания имеет значение лишь 64,8. Как отмечают эксперты банка Credit Suisse²², малые экономики имеют ряд объективных преимуществ перед крупными странами, к которым можно отнести более однородную структуру населения, что позволяет проводить политику в духе «one-size-fits-all» и снижает риски социальной напряжённости, экономическую открытость и более высокую степень специализации. К примеру, Люксембург имеет выраженную специализацию в секторе финансовых

²² The reasons behind the success of small countries. 2023. Credit Suisse. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us-news/en/articles/news-and-expertise/does-size-matter-the-economy-of-small-countries-202305.html> (accessed 08.10.2024).

услуг, а Ирландия – в сфере телекоммуникационных услуг. Однако, как отмечают эксперты, эти же преимущества повышают подверженность малых экономик негативным внешним шокам, например таким, как колебания биржевых цен.

Актуальная и перспективная модели инклюзивного роста в Евросоюзе

Характерной чертой Европейского союза можно считать высокую степень неоднородности стран – участниц объединения как с точки зрения географии и природно-климатических особенностей, так и по уровню социально-экономического развития, степени интегрированности в рамках ЕС и т. п. Эта гетерогенность прослеживается и в оценках инклюзивного роста стран Евросоюза, что, на наш взгляд, сопряжено с наличием внутренних противоречий объединения в целом. Подобные противоречия возникают, в том числе, в следующих парах:

- Экономически развитый Северо-Запад Европы vs сравнительно экономически отсталый Юго-Восток Европы;
- «Ядро» европейской интеграции (страны-основатели) vs «периферия» ЕС (страны-последователи);
- Страны «внутреннего счастья» (счастье «для себя») vs страны «внешнего счастья» (счастье «для других»);
- Равенство доходов и возможностей vs экономический рост;
- Малые экономики vs остальные экономики;
- Интересы настоящего поколения vs интересы будущих поколений.

Различие смыслов инклюзивности для Севера и Юга Европы заключается, прежде всего, в том, что развитые экономики Северо-Запада заинтересованы в повышении участия общества и бизнеса в пропорциональном распределении выгод экономического роста и выработке принципов равноправного перехода к новому технологическому укладу, тогда как перед странами Юго-Востока Европы до сих пор остро стоит задача повышения вовлечённости местных общественных структур в процессы экономической модернизации в рамках ongoing развития. С точки зрения региональной интеграции наблюдается всё более острое расхождение интересов стран – основателей Евросоюза и стран-последователей, присоединившихся к ЕС в процессе расширения Союза. В частности, страны «ядра» объединения по многим направлениям готовы и в ограниченном масштабе реализуют программы координации и интеграции экономической политики (пример – би- и мультилатеральные соглашения в области промышленных стратегий в рамках Индустрии 4.0 и курса на стратегическую автономию экономики ЕС), тогда как страны «периферии» Евросоюза по-прежнему стремятся выйти на достаточный уровень промышленной и технологической интеграции с развитыми экономиками Союза.

Ещё одной осью противоречий в инклюзивном росте Евросоюза является несоизмеримость целей и внутренних установок развития малых и всех прочих экономик Союза. Малые экономики (такие как Люксембург, Мальта, Ирландия и т. д.), как правило, имеют узкоспециализированную структуру экономики, которая зависит от внешних источников роста, обслуживая экономические интересы третьих стран (в том числе их МНК, финансовых корпораций и т. п.) за счёт предоставления особых правовых, институциональных, инвестиционных и прочих режимов. Структура фактически проживающего в данных странах населения может существенно отличаться от формальной структуры резидентов. В подобных условиях стандартные направления повышения инклюзивного роста представляются менее актуальными. Социальные, экономические и даже географические диспропорции малых экономик по сравнению с остальными странами приводят также к большим погрешностям в процессе оценки инклюзивного роста ЕС, что препятствует выработке гармоничной политики на уровне Союза.

Помимо упомянутых, более явных, противоречий, в ЕС наблюдаются и другие конфликты интересов в контексте инклюзивного роста. Так, для большинства стран – членов объединения остро стоит проблема совмещения сокращения социально-экономического неравенства и ускорения экономического роста в классическом смысле. Решение первой задачи предполагает, помимо прочего, поддержку наименее материально обеспеченных слоёв населения и помощь людям, не обладающим доступом к базовым услугам. Это, в свою очередь, сопряжено с повышением социальных субсидий, финансированием программ поддержки и работу по борьбе со стереотипами в общественном сознании, что в совокупности отвлекает ресурсы от финансирования высокопроизводительных и перспективных секторов экономики, снижая потенциал экономического роста в кратко- и среднесрочной перспективе.

Характерной чертой инклюзивного роста в странах ЕС является конфликт приоритетов настоящего и будущих поколений. В первую очередь это проявляется в реализации мероприятий зелёного курса Евросоюза, где возникает противоречие интересов бизнеса и общества. Бизнес по своему устройству заинтересован в максимизации сегодняшней прибыли, повышении конкурентоспособности в краткосрочном периоде, тогда как европейское общество всё больше ратует за учёт интересов будущих поколений в части заботы о окружающей среде, в которой им предстоит жить. В этих условиях бизнесу приходится учитывать запрос местного общества, чтобы сохранить лояльность клиентов в пределах ЕС, однако он также вынужден сохранять позиции на мировых рынках, где усиливают позиции игроки, которые сегодня не «обременены» эквивалентной потребностью учитывать соображения охраны окружающей среды.

Более тонким противоречием инклюзивного роста в Евросоюзе можно считать несовпадение приоритетов стран «внутреннего счастья» и стран «внешнего счастья». Это противоречие выявляется при сравнении значений Индекса

инклюзивного роста ЮНКТАД и Индекса счастья. Страны «внутреннего счастья» (в ЕС – страны Северной Европы) конвертируют высокий потенциал инклюзивного роста в повышение удовлетворённости жизнью собственного населения, тогда как страны «внешнего счастья» (в ЕС – страны континентальной Европы) транслируют инклюзивный рост в повышение удовлетворённости жизнью граждан третьих стран (пример: открытая миграционная и образовательная политика для третьих стран). Это, в числе прочего, означает, что Евросоюзу приходится балансировать между поощрением обращённости социальной политики стран-членов «вовне» и «внутрь себя».

В условиях устойчивых и вновь возникающих противоречий задачей Европейского союза как института поддержки инклюзивного роста объединения в целом является их разрешение при сохранении и уважении национальной идентичности стран-членов и поддержании многообразия форм и структур общественных отношений. Органы ЕС вынуждены выполнять функции медиатора конфликтов интересов инклюзивного роста отдельных стран, не допуская эксклюзии социально-экономических интересов ни одного государства. С этих теоретических позиций может быть предложена следующая циклическая модель воспроизводства инклюзивного роста в Евросоюзе с точки зрения роли и участия институтов ЕС (рисунок 10).

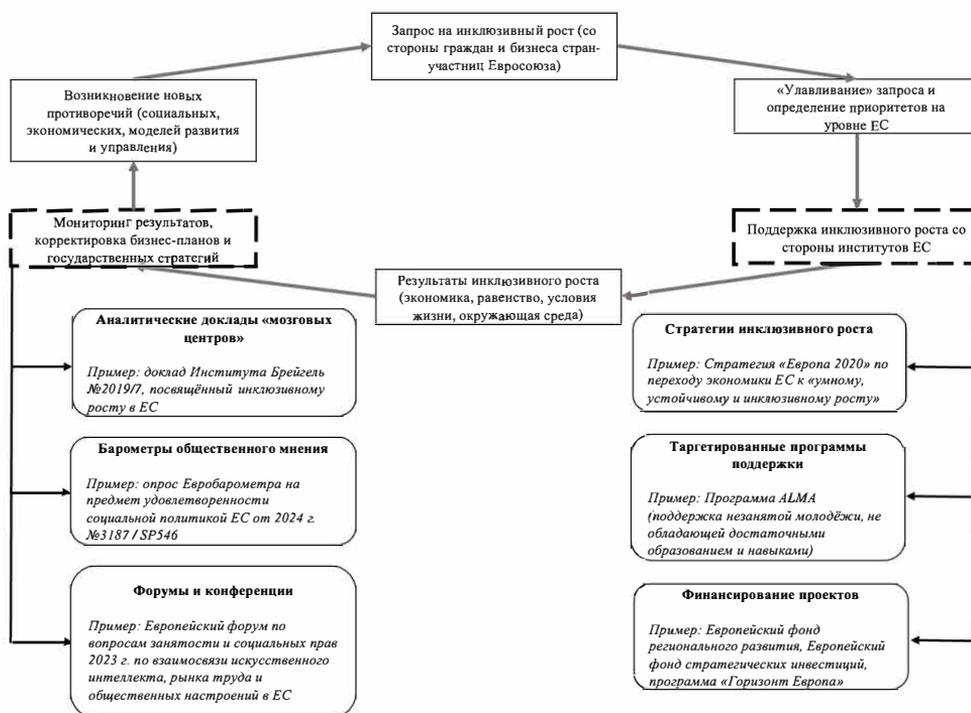

Рис. 10. Актуальная циклическая модель инклюзивного роста в Евросоюзе
Fig. 10. Contemporary cyclical inclusive growth model of the European Union
 Источник: составлено авторами

Возникающие противоречия на уровне экономик, социальных групп или базовых моделей развития стран-участниц формируют соответствующий запрос на инклюзивный рост, который выражается интересами общества и бизнеса (Saha, Ciarli 2018). Возникший запрос впоследствии улавливается институтами гражданского общества, консультационными советами, а также академическим и экспертным сообществом, благодаря чему конкретизируются приоритеты инклюзивного роста на уровне ЕС. На основе приоритетов институты Евросоюза разрабатывают мероприятия по поддержке инклюзивного роста, в том числе принимают стратегии, создают специализированные фонды и программы содействия инклюзивному росту, проводят структурные реформы. В результате реализации соответствующих мероприятий на уровне Союза проявляются ожидаемые, а возможно, и непредвиденные результаты инклюзивного роста, которые становятся достоянием общественности за счёт оперативного мониторинга со стороны ЕС, его статистических и экспертных бюро. На основе опубликованных данных и барометрических оценок государственные органы и бизнес-лидеры корректируют текущие стратегии, в результате чего баланс интересов отдельных сообществ, социальных групп и целых стран меняется, порождая всё новые достижения и новые противоречия, которые, в свою очередь, формируют запрос на инклюзивный рост более высокого уровня.

Резюмируя, выразим предположение о том, что на период реализации Стратегии «Европа 2020» наложился цикл фазового перехода между стадиями инклюзивного роста Евросоюза. Обращаясь к типологии инклюзивного роста (таблица 1), можно отметить смену сущности требуемой «инклюзии» с вовлечённости в процессы экономической модернизации на участие в распределении выгод, что соответствует переходу с промежуточной на продвинутую стадию инклюзивного роста. Соответствующий переход прослеживается и с точки зрения содержания «роста» и его ожидаемых результатов. При этом явного сокращения государственной поддержки инклюзивного роста в Евросоюзе не отмечается. Напротив, происходит всё большее включение людей в предпочтительные системы межличностных отношений и всё более выраженная передача функций их координации на уровень общественных объединений и профессиональных и гражданских коллективов.

Заключение

В результате проведённого исследования было выявлено, что экономический рост в Европейском союзе является инклюзивным, современное его состояние достигает продвинутого уровня зрелости – третьего из четырёх установленных в исследовании; характеризуется высоким уровнем участия граждан в распределении выгод роста, дифференцированным отношением к различным социальным группам, а также сокращением общественного неравенства и укреплением позиций меньшинства в принятии решений.

Современная модель инклюзивного роста Европейского союза имеет циклический характер и позволяет воспроизводить инклюзивный рост на всё более высоком уровне. Важную роль в модели выполняют институты объединения, обеспечивающие выработку стратегий, координацию таргетированных программ поддержки инклюзивного роста, а также финансирующие общественные и деловые проекты ЕС.

В то же время европейская модель инклюзивного роста реализуется через формирование и разрешений внутренних противоречий, связанных, в том числе, с конфликтом интересов настоящего и будущего поколений в реализации зелёного курса и расхождением экономических интересов малых и более крупных экономик Союза. Эволюционный процесс перехода от элементарной к более сложной системе противоречий и составляет суть модели инклюзивного роста ЕС.

В перспективе Европейский союз ожидает ещё один цикл инклюзивного роста, венцом которого при благоприятном стечении обстоятельств может стать приближение к его зрелой стадии с характерными для неё высокой субъект-центричностью, фокусом на развитие и реализацию личности и относительно низкой степенью государственной поддержки. В то же время траектория инклюзивного роста будет зависеть не только от внутренних факторов, но и от условий внешней среды, которые могут заставить пересмотреть текущие приоритеты.

Об авторах:

Елена Владимировна Сапир – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики ЯрГУ им. П.Г. Демидова. 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д.14. Email: sapir@uniyar.ac.ru

Александр Дмитриевич Васильченко – младший научный сотрудник Института Европы РАН. 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. Email: vasilchenko@instituteofeurope.ru

UDC 338.2:330.59(4-67EU)

Received: June 20, 2024

Accepted: July 31, 2024

Cyclical Inclusive Growth Model of the European Union

 E.V. Sapir¹, A.D. Vasilchenko²
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-45-79](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-45-79)

¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University

² The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article analyzes the distinctive features of the contemporary cyclical inclusive growth model within the European Union (EU). As an integration entity, the EU contends with a series of internal challenges that impede its development, arising from the divergent economic interests of member states and the uneven distribution of the costs and benefits of the 'twin transition' in the context of Europe's declining global competitiveness. Exploring the nuances of inclusive growth in the EU, particularly the role of citizen participation in societal progress, offers a valuable framework for understanding the social and economic contradictions both within and between member states. The study commences with a critical review of existing definitions of inclusive growth, laying the groundwork for an in-depth analysis of the EU model.

The research employs quantitative methods to compare EU member states using the UNCTAD Inclusive Growth Index and additional indicators of social and economic development and well-being. It also evaluates the outcomes of the 'Europe 2020' strategy, which aimed to establish inclusive growth targets for the EU by 2020. The findings reveal that the highest levels of inclusive growth are concentrated in northern and continental European countries, whereas Central and Eastern Europe (CEE) exhibit significantly lower levels. The analysis further uncovers key contradictions, such as the tension between reducing socio-economic inequality and promoting economic growth, the generational conflict over the 'green economy,' and the misalignment of interests between smaller and larger EU economies.

Despite the initiatives under the 'Europe 2020' strategy, the study observes a shift in the priorities of EU citizens concerning inclusive growth. The research identifies fundamental characteristics of the EU's inclusive growth model, marked by a cycle of emerging and resolving social and economic contradictions at the Union level. A notable aspect of this model is the increasing complexity and multiplicity of contradictions, alongside a growing emphasis on subjective well-being and the fulfillment of intangible individual needs. The insights derived from this analysis have practical implications for developing inclusive growth support measures within the Eurasian Economic Union (EAEU) and can aid in defining priorities and mechanisms for the social and economic policies of EAEU member states.

Keywords: inclusive growth, European Union, human capital, social and economic contradictions, UNCTAD Inclusive Growth Index, UNDP Human Development Index, Oxford Happiness Index, Legatum Index of Prosperity

About the authors:

Elena V. Sapir – Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the World Economy and Statistics Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University. 14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150003.
E-mail: sapir@uniyar.ac.ru

Alexander D. Vasilchenko – Junior Researcher, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125009. Email: vasilchenko@instituteofeurope.ru

References:

Barnat N. et al. 2019. *Inclusive Growth of the Eurasian Economic Union Member States: Assessments and Opportunities*. Eurasian Economic Commission. UNCTAD, EEC. DOI: 10.13140/RG.2.2.30267.36649

Bughin J. et al. 2018. *Testing the Resilience of Europe's Inclusive Growth Model*. McKinsey Global Institute.

Che Sulaiman N.F., Ab-Hamid M.F., Ridzuan A.R. 2021. Inclusive Growth: Comprehensive Dimension of Income Distribution. *Ekonomika Regional*. 17(1). P. 301–317. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-23

Darvas Z., Wolff G.B. 2016. *An Anatomy of Inclusive Growth in Europe*. Brussels, Bruegel. 114 p.

Demertzis M., Sapir A., Wolff G. B. 2019. *Promoting Sustainable and Inclusive Growth and Convergence in the European Union*. Bruegel Policy Contribution. №7. Bruegel, Brussels.

Ianchovichina, E., Lundstrom, S. 2009. *Inclusive Growth Analytics: Framework and Application*. Policy Research Working Paper. №4851. Washington, DC, World Bank, 40.

Jacobs M., Mazzucato M. (eds.). 2016. *Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth*. Wiley-Blackwell. 224 p.

Kjøller-Hansen A.O., Lindbjerg Sperling L. 2020. Measuring Inclusive Growth Experiences: Five Criteria for Productive Employment. *Review of Development Economics*. №4. P. 1413–1429. DOI: 10.1111/rode.12689

Klasen S. 2010. *Measuring and Monitoring Inclusive Growth: Multiple Definition, Open Questions and Some Constructive Proposals*. Manila: Asian Development Bank.

Levitas R. 2005. *The Inclusive Society? Social Exclusion and New Labour*, second edition. London: Palgrave Macmillan. 223 p. DOI: 10.1057/9780230511552.

Mamman S. O. 2023. Response of Inclusive Growth to Development Aid in Africa and the Role of ICT Diffusion. *Journal of Applied Economic Research*. 22(4). P. 770–788. DOI: 10.15826/vestnik.2023.22.4.031.

Mamman S.O., Sohag K. 2023. Inclusive Growth and Structural Transformation: The Role of Innovation and Digitalisation Spillover. *Economy of regions*. 19(3). P. 598–611. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-1

Mascherini M., Ludwinek A., Ledermaier S. 2015. *Social Inclusion of Young People*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2806/588575.

McKinley T. 2010. *Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress*. ADB Sustainable Development Working Paper Series. Asian Development Bank. June. №14.

Ostry J.D., Loungani P., Berg A. 2019. *Confronting Inequality: How Societies Can Choose Inclusive Growth*. Foreword by J.E. Stiglitz. New York: Columbia University Press. 192 p. DOI: 10.7312/ostr17468

Ranieri R., Almeida Ramos R. 2013. *Inclusive Growth: Building up a Concept*. Working Paper. №104. Brasilia: International Policy Centre for Inclusive Growth (IPCIG).

Rauniyar G., Kanbur R. 2009. *Inclusive Growth and Inclusive Development: A Review and Synthesis of Asian Development Bank Literature*. Occasional Paper №8. ADB, Independent Evaluation Department.

Sachs J. D. 2005. Can Extreme Poverty Be Eliminated? *Scientific American*. 3(293). P. 56–65. DOI: 10.1038/scientificamerican0905-56

Saha A., Ciarli, T. 2018. *Innovation, Structural Change, and Inclusion. A Cross Country PVAR Analysis*. SWPS 201-01. 62 p. DOI: 10.2139/ssrn.3107748

Samans R., Blanke J., Hanouz M.D., Corrigan G. 2017. *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Geneva: World Economic Forum.

Silander D. 2024. Europe 2020: The EU Commission and Political Entrepreneurship. *International Studies*. 29(1). P. 103–118. DOI: 10.18778/1641-4233.29.07.

Stec M., Grzebyk M. 2018. The Implementation of the Strategy Europe 2020 Objectives in European Union Countries: the Concept Analysis and Statistical Evaluation. *Quality & Quantity*. 52(1). P. 119–133. DOI: 10.1007/s11135-016-0454-7

Stiglitz J. 2012. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: W.W. Norton & Company. 523 p.

Wandel J. 2016. The Role of Government and Markets in the Strategy “Europe 2020” of the European Union: a Robust Political Economy Analysis. *International Journal of Management and Economic*. 49(1). P. 7–33. DOI: 10.1515/ijme-2016-0002/

White W.R. 2012. Policy Debate: How Do You Make Growth More Inclusive? L. de Mello, M.A. Dutz (eds.). *Promoting Inclusive Growth: Challenges and Policies*, Paris, OECD Publishing. P. 279–283.

Andrievskaya V.B. 2015. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya kak neobhodimaya predposylka inklyuzivnogo rosta ekonomiki [Public Administration Efficiency as a Necessary Pre-requisite for Inclusive Economic Growth]. *Idey i idealy*. 1(23). P. 90–101. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-90-101 (In Russian)

Burganov R.T. 2022. Ocenka vliyaniya cifrovoj transformacii na formirovanie inklyuzivnoj modeli ekonomicheskogo rosta regiona [Assessing the Impact of Digital Transformation on the Formation of an Inclusive Model of Regional Economic Growth]. *Modern Economy Success*. №5. P. 92–101. (In Russian)

Burganov R.T., El'shin L.A., Sharapov A.R. 2022. Konceptiya inklyuzivnogo rosta kak mekhanizm obespecheniya ustojchivogo razvitiya nacional'noj ekonomiki [The Concept of Inclusive Growth as a Mechanism for Ensuring Sustainable Development of the National Economy]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 12(10). P. 2623–2639. DOI: 10.18334/epp.12.10.116352 (In Russian)

Kazakova A.A. 2016. Inklyuzivnyj rost: problema sociologicheskoy konceptualizacii [Inclusive Growth: The Problem of Sociological Conceptualization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. №4. P. 33–36. (In Russian)

Kondratyeva N.B. 2019. Konceptii i indikatory inklyuzivnogo rosta Evropejskogo Soyuzha: dvadcat' let spustya [Concepts and Indicators of Inclusive Growth of the European Union: Twenty Years Later]. *Vestnik Universiteta mirovyh civilizacij*. 10(25). P. 49–53. (In Russian)

Mamedov O.Yu. 2017. Ekonomika inklyuzivnoj civilizacii [Economy of an Inclusive Civilization]. *Terra Economicus*. 15(3). P. 6–18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18 (In Russian)

Nechitajlo I.S., Kalamkovich M., Nazarkin P.A. 2019. Inklyuzivnyj rost kak faktor narashchivaniya chelovecheskogo kapitala obshchestva: mezhdisciplinarnyj analiz nekotoryh bar'erov inklyuzivnoj praktiki [Inclusive Growth as a Factor in Increasing the Human Capital of Society: an Interdisciplinary Analysis of Some Barriers to Inclusive Practice]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 11(6). P. 190–202. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-190-202 (In Russian)

Nesterova O.A., Sanfirova O.V., Petrova T.A. 2022. Inklyuzivnyj sub'ekt v kontekste ekonomicheskogo rosta [Inclusive Subject in the Context of Economic Growth]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. 12(1). P. 209–221. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114265 (In Russian)

Novikov A.I., Vitkina M.K. 2018. Inklyuzivnaya ekonomika i social'naya otvetstvennost' v regionah mira: dilemma ili obshchestvennoe soglasie [Inclusive Economy and Social Responsibility in the Regions of the World: Dilemma or Public Consent]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2(54). P. 1–11. (In Russian)

Pahomova N.V., Rihter K.K., Malyshkov G.B. 2016. Inklyuzivnyj ustojchivyy rost i strategiya novej industrializacii: institucional'nye ramki dlya soglasovaniya [Inclusive Sustainable Growth and the Strategy of New Industrialization: Institutional Framework for Coordination]. *Ekonomika i upravlenie*. 1(123). P. 29–37. (In Russian)

Spens M. 2013. *Sleduyushchaya konvergenciya. Budushchee ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznyh skorostyah* [The Next Convergence. The Future of Economic Growth in a World Living at Different Speeds]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. 336 p. (In Russian)

Voevodina E.V. 2023. Doverie kak bazovyy princip inklyuzivnoj ekonomiki: analiz konceptual'nyh i metodicheskikh podhodov [Trust as a Basic Principle of an Inclusive Economy: Analysis of Conceptual and Methodological Approaches]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3(181). P. 38–43. DOI: 10.24158/tipor.2023.3.5 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андриевская В.Б. 2015. Эффективность государственного управления как необходимая предпосылка инклюзивного роста экономики. *Идеи и идеалы*. 1(23). С. 90–101. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.2-90-101

Бурганов Р.Т. 2022. Оценка влияния цифровой трансформации на формирование инклюзивной модели экономического роста региона. *Modern Economy Success*. №5. С. 92–101.

Бурганов Р.Т., Ельшин Л.А., Шарапов А.Р. 2022. Концепция инклюзивного роста как механизм обеспечения устойчивого развития национальной экономики. *Экономика, предпринимательство и право*. 12(10). С. 2623–2639. DOI: 10.18334/erp.12.10.116352

Воеводина Е.В. 2023. Доверие как базовый принцип инклюзивной экономики: анализ концептуальных и методических подходов. *Теория и практика общественного развития*. 3(181). С. 38–43. DOI: 10.24158/tipor.2023.3.5

Казакова А.А. 2016. Инклюзивный рост: проблема социологической концептуализации. *Теория и практика общественного развития*. №4. С. 33–36.

Кондратьева Н.Б. 2019. Концепции и индикаторы инклюзивного роста Европейского союза: двадцать лет спустя. *Вестник Университета мировых цивилизаций*. 10(25). С. 49–53.

Мамедов О.Ю. 2017. Экономика инклюзивной цивилизации. *Terra Economicus*. 15(3). С. 6–18. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-6-18

Нестерова О.А., Санфирова О.В., Петрова Т.А. 2022. Инклюзивный субъект в контексте экономического роста. *Вопросы инновационной экономики*. 12(1). С. 209–221. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114265

Нечитайло И.С., Каламкович М., Назаркин П.А. 2019. Инклюзивный рост как фактор наращивания человеческого капитала общества: междисциплинарный анализ некоторых барьеров инклюзивной практики. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 11(6). С. 190–202. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-190-202

Новиков А.И., Виткина М.К. 2018. Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2(54). С. 1–11.

Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. 2016. Инклюзивный устойчивый рост и стратегия новой индустриализации: институциональные рамки для согласования. *Экономика и управление*. 1(123). С. 29–37.

Спенс М. 2013. *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях*. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.